

Алексей Бессонов

Памятью крови

*Часть сборника
Городская фэнтези – 2008*

Алексей Бессонов

Памятью крови

«Автор»

2007

Бессонов А. И.

Памятью крови / А. И. Бессонов — «Автор», 2007

Что связывает умирающего от старости циркового льва и французского пилота, бьющегося против немцев на небольшом самолете? Что объединяет таинственные сновидения и кота, который может исполнять обязанности штурмана? Это сложно понять, не прочитав «Памятью крови»...

© Бессонов А. И., 2007

© Автор, 2007

Алексей Бессонов

Памятью крови

Сквозь шум дождя, столь обычного для осени в Нормандии, прорвалось, постепенно становясь все громче, мягкое гудение автомобильного двигателя. Зашуршали по бетону шины – ближе, еще ближе, и вот машина замерла в паре метров от окон большой, немного аляповатой старой фермы.

Тогда лев, лежащий на вытертом ковре в холле первого этажа, ненадолго поднял голову и вздохнул. За дверью раздались голоса.

– Похоже, он совсем плох, мсье. Ветеринар уехал час назад, мсье, и он говорил, что сделать уже ничего нельзя – Гийом слишком стар... львы, как он сказал, столько вообще не живут.

– Мы знали, что это должно случиться, Луи. Он ел что-нибудь?

– Сегодня ни крошки, мсье.

– Ну, что ж, заставить его нам вряд ли удастся...

Скрипнула дверь – темная, выкрашенная некогда коричневой краской, давно уже растрескавшейся от старости и сырости. Лев поднял веки и глянул на вошедшего. Высокий мужчина в шуршащем плаще и клетчатой кепке, не раздеваясь, присел возле зверя на корточки. Его рука, обтянутая желтой автомобильной перчаткой, ласково коснулась все еще густой гривы.

– Как ты, дружище?

Бернар Брезе, парижский финансист и подрядчик, обожал цирк с детства. Его отец, известный в свое время художник-иллюстратор, любил путешествовать с сыном на автомобиле – и стоило их маленькой «Симке» въехать в очередной городок, намеченный для ночлега, Бернар тут же принимался ерзать на заднем сидении.

– Знаю, знаю, – добродушно ворчал в ответ отец, – сейчас спросим у портье в гостинице. Они всегда все знают.

И если в городке по случаю оказывался какой-либо из бродячих цирков, во множестве колесивших по дорогам прекрасной – той еще, действительно прекрасной! – Франции, они обязательно шли смотреть представление. Конечно, Бернару нравились и акробаты, выделяющие невероятные фокусы под полосатым куполом шапито, и маги, невесть как выуживающие золотые часы из карманов восхищенных буржуа в первом ряду, но по-настоящему счастлив он бывал лишь тогда, когда в составе труппы оказывались укротители диких зверей. Однажды в Реймсе ему посчастливилось увидеть выступление знаменитого в те годы немца Райнхарда Гольца. Как завороженный, смотрел он на пару львов, стремительно повинующихся каждому щелчку бича, пляшущего в руке дрессировщика – длинного, кажущегося из-за своей худобы неловким мужчины в черном кожаном костюме. Когда представление закончилось, и Гольц заставил своих львов поклониться публике, Бернар вдруг понял, что один из них, тот, что стоял слева, смотрит прямо на него. И в глазах могучего льва мальчишка прочел муку...

В тот день Бернар дал себе слово стать дрессировщиком – но не таким, как Гольц, а другим... Он хотел, чтобы львы, грациозные и безжалостные, ощутили его своим другом, приняли в стаю, признав его силу не из страха боли: иначе. Правда, пока он еще не знал, как... Оказавшись в Париже, Бернар попросил родителей приобрести ему кота.

Брезе-старший, с молодых ногтей отличавшийся изрядной эксцентричностью, лишь поднял бровь и рассмеялся, но мать, упрямая, костлявая голландка из Роттердама, пришла от подобного заявления в неистовство.

– Что за блажь правит в этом доме? – поинтересовалась она. – Где это видано, чтобы тринадцатилетние оболтусы таскались с какими-то котами? И потом, ты хоть представляешь себе, сколько стоит приличный породистый котенок?

– Зачем мне породистый? – резонно возразил Бернар.

Примирителем, как всегда, выступил отец. Съездив в Нормандию, где дед Бернара держал большую ферму, он вскоре вернулся с корзинкой, из которой торчала любопытная мордочка месячного котенка.

Своего нового друга Бернар окрестил Леоном.

...Плавные движения руки заставили льва погрузиться в дрему.

И видения пришли вновь. В общем-то, они и не оставляли его уже много лет, с тех самых пор, как из забавного котенка он превратился в молодого льва. Стоило ему уснуть, ощущая тепло и безопасность, как откуда-то из неведомых глубин всплывали удивительные картины, яркие и завораживающие. Сперва он только *видел* – позже пришли запахи и ощущения. Шелест ветра, играющего с травами саванны, бешенство белого солнца, пробивающегося сквозь прикрытые веки, топот копыт антилопы, пытающейся уйти от погони.

Он спал – и он жил.

Днем все начиналось заново. Папаша Морис с неизменным запахом дешевого вина, просовывающий сквозь прутья клетки ломоть лежалого мяса, надетый на кусок толстой проволоки. Злобные взрывкивания его партнера Арлу, тупого и всегда раздраженного. Репетиции: хозяин и хозяйка, гибкие, не знающие усталости. Гийому было смешно: Арлу не то чтобы не хотел прыгать сквозь блестящее металлическое кольцо – он просто боялся, сам не зная, чего. С ним же хозяева почти не занимались. Ему достаточно было все объяснить да потрепать за ушами, и ближайшие полчаса Гийом не скучал. Потом ему все надоедало, и тогда хозяева переключались на Арлу.

А ночью приходила другая жизнь. В какой-то момент Гийом стал понимать, что это чужая жизнь, уже прожитая кем-то, потому что иногда, осенью, он переживал смерть. Точнее, смерти...

Они были разными: иногда он, лишенный сил и порядком облезлый, умирал от слабости и голода, иногда точку в давно прожитой кем-то судьбе ставили молодые самцы, пришедшие, чтобы захватить чужой прайд. Однажды он познал неведомый ранее страх. Сумерки, и слабое движение травы, отчетливо различимое для его зрения: ощущение опасности, непонятной, но от того не менее реальной; потом вдруг короткий укол боли, маленькие фигурки, не похожие ни на антилоп, ни на шакалов, ни на трусливых обезьян – маленькие, назойливые... слабость, слепота.

Смерть.

В то утро Гийом отказался выполнять команды хозяев. Не помогло ни свежее, пахнущее кровью мясо, ни ласки хозяйки – он просто лежал и не реагировал на слова. К нему приходили какие-то люди, источавшие острые неприятные ароматы; потом короткий хлопок – и *знакомый уже* укол.

Снова слабость и слепота.

Но смерть не пришла. Он очнулся в грязной вонючей клетке; где-то неподалеку испуганно всхрапывали лошади.

Гийома продали.

... – Ну же, Леон! Алле... ап!

Котенок зевнул и, повернувшись к Бернару хвостом, неторопливо забрался на диван. Бернар вздохнул. Леон рос на удивление бестолковым, и максимум дрессуры, которого Брезе-младшему все же удалось добиться – это привычка кота ходить в свой особый сортир. На большее его артист оказался не способен.

Да и дружбы у них отчего-то не получалось: Леон вообще вел себя так, словно никого в упор не видел. В конце концов он сбежал, и Бернар, немного удивляясь самому себе, не стал слишком переживать по этому поводу. Тем более, что в то лето к ним в гости приехал один из родственников матери, известный голландский адвокат. Дядюшка Ханс рассказывал такие

удивительные истории из своей жизни и деловой практики, что Бернар вдруг решил поступать на факультет права. Родители, конечно же, пришли в восторг.

На какое-то время детские мечты о цирке покинули его, тем более что вскоре в жизни студента появилось нечто не менее захватывающее: один из новых приятелей привел его в аэроклуб. Занятия стоили немалых денег, но семейство Брезе могло позволить себе подобные траты, благо мать считала, что общение с представителями «золотой молодежи», проводящими время рядом с самолетами, поможет молодому юристу в будущем. В семье матери, уехавшей некогда из Трансвааля из-за туманной ссоры с самим папашей Крюгером, твердость духа только поощрялась – и Бернар летал. Годы Сорбонны промчались столь быстро, что он даже не успел их заметить: а впрочем, ему было некогда отвлекаться на такие глупости.

Однажды – дело было за несколько дней до получения степени, означавшей конец вольной студенческой жизни – Бернар, возвращаясь в свою съемную квартирку на набережной Сены, решил, что сегодня, учитывая пляшущее вокруг лето, не грех раскупорить бутылочку кальвадоса. Он остановил мотоцикл возле ближайшей лавки, взял с прилавка плотный бумажный пакет и вышел на бульвар. Из дверей кабачка напротив доносились звуки аккордеона и взрывы веселого смеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.